

Разнообразие и взаимодействие письменных культур южных и восточных славян в XI–XX вв.

Подготовительная научно-практическая конференция
в рамках одноименного
международного
трехстороннего проекта:
БЕЛЬГИЯ–БОЛГАРИЯ–РОССИЯ
(ERA-NET, РФФИ – 18-512-76004)
23 октября 2018 г., Москва

Москва - 2018

Российская академия наук
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

**Разнообразие и
взаимодействие
письменных культур
ЮЖНЫХ И ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН
в XI–XX вв.**

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Ответственный редактор

И.И. Калиганов

Москва – 2018

Калиганов И.И.

Мысли о грядущем виртуальном Музее Славянских Культур

I. Сегодня процесс цифровизации заметно набирает всё большую скорость во многих областях нашей жизни. В электронно-цифровой формат переводится масса документов самого различного характера: бухгалтерский учет, проектно-конструкторские чертежи, библиотечные каталоги и наиболее ценные научные издания. Молодежь все чаще отдает предпочтение электронным носителям информации, а не бумажным. В метро ныне пассажиры читают не традиционные печатные книги, а их электронные варианты в таблоидах. Пожилые люди дома раскрывают не купленный в магазине нашумевший роман, а скачивают его текст из Интернета при помощи компьютера.

II. Цель нашего проекта хорошо известна присутствующим в данной аудитории: учёные из Бельгии, Болгарии и России должны представить в цифровом англоязычном формате три десятка образцов письменной культуры южных и восточных славян XII–XX веков. По моему убеждению, работу в данном направлении не следует завершать по истечении сроков действия договоров трёх наших коллективов с национальными научными фондами. Наши научные результаты необходимо превратить в закладку первого камня в основание англоязычного виртуального МУЗЕЯ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР (далее – МСК). Построить такой музей можно лишь благодаря совместным усилиям специалистов из разных славянских стран не только по причине грандиозности его масштабов, но и необходимости понести известные материальные затраты. Они неизбежны для оплаты работы специалистов по написанию музейных статей и поддержанию сайта, на котором будет размещен упомянутый музей.

III. Сразу же может возникнуть вопрос: а нужен ли подобный музей при наличии англоязычных энциклопедий, в том числе и с встречающимися в них статьями о славянских культурах,

славянских литературных и культурных памятниках, писателях, художниках и музыкантах? Ответ на него вполне однозначен: разумеется, нужен. Потому что такие статьи рассеяны в массе других материалов, и это не дает возможности создать целостное представление как об отдельной культуре того или иного славянского народа, так и всей совокупности культур славянских народов, имевших между собой много точек пересечения и сфер взаимодействия. Об истинном богатстве и разнообразии этих культур жители зарубежных стран, как правило, мало догадываются: их знания о них чаще всего ограничиваются именами Федора Достоевского, Антона Чехова и Льва Толстого.

V. Виртуальный МСК целесообразно создавать по аналогии с конструкцией Колизея, при возведении которого многочисленные строители изготавливали отдельные равновеликие модули под руководством мастеров с четким представлением о задаче, стоящей перед строительной бригадой под его началом. В противном случае Колизей не приобрел бы такую архитектурную стройность и величественность: отдельные его модули стали бы резко отличаться по форме – по конфигурации, высоте, сегментной длине полукружий ест.

V. Подобно Колизею строящийся виртуальный МСК будет иметь ряд идущих по окружности «стен», которые поддерживают следующие по кругу различные «сектора»: В самом его центре расположено а) ядро древнеславянской мифологии и древнейшие региональные пласты славянского фольклора; Далее по мере отдаления от центра: б) памятники письменности и литературы; в) народная художественная культура; г) бытовая, культовая и светская архитектура; д) скульптура; е) религиозная и светская живопись; ж) театр; з) кино; и) музыка.

VI. Следует воздержаться от окружности с секторами, которые будут посвящены политической истории отдельных славянских государств. Они явятся наиболее удобным местом для закладки взрывных материалов, способных разрушить то, что уже будет возведено, и перечеркнуть саму идею создания виртуального МСК. Политическая история – наиболее часто меняющаяся сфера общественных наук. Она неоднократно переписывалась в зависимости от политической конъюнктуры. В отличие от неё

возникновение и бытование памятников культуры чаще всего не стеснено политическими или даже национальными границами славянских народов. Элементы политической истории будут присутствовать в музейных статьях лишь в той мере, в какой они необходимы для уяснения того, что за личностью, например, был литературный герой, являвшийся реальным историческим лицом, или, что представляет собой упоминаемое автором статьи историческое явление.

VII. Значительную опасность при возведении виртуального МСК создадут излишний патриотизм с националистической окраской и неумение по этой причине (или же полного незнания о существовании более ярких сходных явлений в культуре других славянских народов) правильно оценивать истинные масштабы личности какого-либо национального творца или созданного им творения. Не исключены и другие причины субъективности при отборе тем для музейных статей: например, не ослабевшее чувство утраты недавно ушедшего из жизни хорошего, но в целом, не особенно выдающегося ученого или, например, то же самое, предпринимаемое из соображений корпоративности. Избежать подобного помогут квоты числа статей для национальных коллективов ученых, утверждаемые международным советом координаторов виртуального МСК.

VIII. Размеры квот для «секторов» и «залов» виртуального МСК целесообразно соотносить с размерами славянских стран и их вкладом в культуру славянских народов. Ясно, что польская культура не сопоставима по размерам с украинской, македонская с болгарской, серболужицкая с чешской и т. д. Надо принимать во внимание и неодинаковые размеры вкладов отдельных славянских народов в общую славянскую копилку культурных ценностей в различные исторические периоды. Первым шагом в этом направлении явится составление соответствующих словников.

Калиганов И.И.

**Заметки
об оптимальном
«музейном» формате
при написании статей
для виртуального
Музея Славянских Культур**

I. Создание статей для виртуального Музея Славянских Культур (МСК) сопряжено с определенными трудностями. Одна из них состоит в небольшом объеме статей: не более 4–6 стандартных страниц, набранных 14 кеглем, шрифтом Times New Roman Cyrillic с 1,5 межстрочным интервалом, т. е. 8–10 тыс. знаков с интервалами (иллюстрации при этом не учитываются). Это не игра на футбольном поле со стандартными размерами и даже не мини-футбол. Это «пляжный футбол», где необходимо лавировать на маленьком «пяточке» и прибегать к дриблингу, преодолевая вязкость прилипающего к ногам информационного «песка». Основная задача здесь заключается в избавлении от многословия и избыточной информации. При всём этом нельзя упускать то главное, что нужно представить посетителю виртуального МСК (речь об этом пойдет ниже);

II. Вторая трудность заключается в отсутствии четкого понимания подавляющим большинством участников проекта специфики будущих визитеров. данного музея. Он будет предназначаться для англоязычных посетителей с очень слабыми, или даже почти нулевыми, фоновыми знаниями о славянских культурах. Поэтому размещаемые в нём материалы должны быть уподоблены статьям и разделам своеобразного БУКВАРЯ. Но букваря необычного – умного букваря, предназначенного для взрослых. Строительство такого музея нельзя поручить дилетантам – иначе вместо Колизея славянских культур возникнет его жалкая профанация, в действительности их принижающая и отталкивающая от них случайно забредших в него посетителей. Это крайне ответственное дело можно доверить только специалистам высокой квалификации – тем, кто способен отделять главное от второстепенного и умеет лаконичными штрихами обозначать ценность явлений той или иной славянской культуры;

III. Ещё одна трудность, с которой обязательно столкнутся участники проекта – необычность способов достижения намеченных целей. Исполнять поставленные задачи будут призваны главным образом академические ученые, привыкшие к обстоятельности, подробности, научной обоснованности и аргументации с приведением доводов в пользу доказательства правомерности своей точки зрения. Ничего этого при написании статей для виртуального МСК не потребуется. Статьи для него должны быть не фотографическим «портретом» того или иного явления славянской культуры, а его «профилем», контур которого непременно должен охватывать суть того явления, о котором идет речь. В этом будет состоять коренное отличие материалов, подготавливаемых для МСК, от статей, опубликованных в томах «Православной энциклопедии» (продолжающееся издание), «Лексиконе южнославянских литератур» (М., 2012), или вышедшем в Болгарии «Речнике древнеболгарской литературы» (София, 1992; Велико Тырново, 2003).

IV. Отличия будут присутствовать начиная с титульного представления явления культуры и кончая завершением статьи библиографической справкой. Если статья, например, посвящена какому-либо славянскому писателю или ученому, излишним в ней станет приведение отчества персонажа или подробных дат рождения и смерти с указанием не только года, но дня и месяца, когда он родился и умер. Это же касается и названия города, местечка или деревни, в котором данное событие произошло. Ведь мало кто знает и помнит, какого числа и месяца родился наш самый известный и любимый поэт А.С. Пушкин (разве что какая-нибудь памятливая школьная учительница литературы или ученый-пушкинист). А что скажет англоязычному посетителю МСК название какой-либо болгарской, русской, сербской или другой славянской деревни, где родился или учился в школе тот или иной деятель славянской культуры? Он заведомо не знает, в какой части славянской страны она находится, и будет воспринимать такое информативное сообщение как ненужное и отягощающее его память.

V. Самым распространенной ошибкой при написании музейных статей станет помещение в ней подробных биографических сведений об их главном субъекте: учеба в

учебных заведениях с указанием года поступления и окончания, увлечение авторов перечислением всех написанных писателем произведений или созданных художником картин, да еще опять-таки с указанием года их завершения, библиографический крен в конце статьи: желательно приводить лишь две-три главные работы, в первую очередь на английском языке.

VI. Сердцевинной музейной статьи должна стать место о реальном вкладе субъекта в развитие национальной и родственных славянских культур. Необходимо еще в «титульной» части сразу же отмечать первенство и особенность вклада того или иного творца в ту область культуры, где он творил: первый романист, первый поэт-символист, первый портретист, скульптор-монументалист и т. д. Вслед за этим кратко очертить национальную особенность творцам и показать читателю его местную «изюминку». В сущности, это и есть главная задача исполнителей проекта. Если то не получится, то посетитель МСК будет разочарован и останется с впечатлением, что славянские культуры есть всего лишь провинциальные реплики культур западноевропейских.

Более подробно об этом и других нелегких задачах авторов статей для МСК будет говориться в докладе и статье, которая готовится к публикации.

Турилов А.А

К изучению региональных особенностей «Второго южнославянского влияния»

В восприятии феномена «второго южнославянского влияния» на восточнославянскую письменность и литературу со времён А.И. Соболевского, положившего в конце XIX в. начало систематическому его изучению, произошли большие перемены. Ставшие классическими хронологические рамки данного явления сузились со середины XIV – середины XV вв. до 1380 – 1430-х гг. Существенно был уточнен состав корпуса переводных текстов, пришедших на Русь от южных славян, довольно четко

обозначились региональные варианты для великорусских территорий (Северо-Восточная Русь, Новгород, Псков). Выяснилось, что фактор большей или меньшей географической близости восточнославянских регионов к Балканам не играл сколько заметной роли во «влиянии», которое осуществлялось прежде всего через митрополичью кафедру и новые общежительные монастыри. Выявился, наконец, отдельный период связей с характерным репертуаром для конца XV – первой трети XVI вв.

В то же время много неясного остается в картине «влияния» на восточнославянских землях в составе Великого княжества Литовского и Польши вплоть до последней четверти XV столетия. Прежде всего, это относится к письму, орфографии и оформлению рукописей. В отношении же репертуара переводных текстов ситуация могла значительно нивелироваться за счет региональных связей. Разумеется, эта картина заведомо неполная и, к сожалению, в полной мере невосстановимая из-за малого числа датированных и локализованных западнорусских рукописей и гибели в 1482 г. библиотеки Киево-Печерского монастыря в результате крымского нашествия. Тем не менее на основании анализа сохранившегося материала трудно избавиться от ощущения, что вплоть до последней четверти столетия источником распространения здесь «второго южнославянского влияния» были лишь епископские кафедры (новые общежительные монастыри на этих территориях отсутствуют до конца XV в.), причем лишь в тот период, когда до начала второй четверти века их возглавляли непосредственные ставленники митрополита Киприана. Позднее процесс замирает, и картина смазывается. Во всяком случае, здесь не обнаруживается сколько ярких образцов каллиграфического младшего (южнославянского по происхождению) полуустава и среднеболгарской орфографии.

Новая волна «влияния» – с явно более ощутимыми результатами в отношении почерков и орфографии – наблюдается в регионе с последней четверти столетия. Причем её источником, несомненно, явилась продукция молдавских скрипториев, на почерки которых ориентированы даже шрифты краковской типографии Швайпольта Фиоля 1490-х гг. (Здесь уместно напомнить, что в классический период «второго южнославянского

влияния» Молдавия не играла даже роли посредника). Этим объясняется, по-видимому, и гораздо более продолжительное по сравнению с Московской Русью бытование среднеболгарской орфографии в украинско-белорусских рукописях. История молдавско-украинских, и тем более молдавско-белорусских, церковных и культурных связей этого времени из-за нехватки источников изучена явно недостаточно. Здесь, однако, можно констатировать наличие династических связей киевско-случских князей Олельковичей с молдавским господарем Стефаном Великим.

Добычина А.С.

Грамоты болгарских царей XIII–XIV веков

В ряду памятников болгарской средневековой книжности особое место занимают грамоты болгарских владетелей указанного исторического периода. Это уникальные источники светского характера, содержащие сведения самого различного рода. Они позволяют составить представление об особенностях власти, фискальной системы, социального состава населения, торговли и международных отношений Болгарского государства на разных этапах его исторического развития.

Преобладающую часть дошедших до нас болгарских средневековых грамот представляют собой т.н. хрисовулы (от греч. χρυσόβουλλον – золотая печать). Эти торжественные грамоты выдавались правителями государства, они скреплялись золотой печатью и подписывались их именами в сопровождении соответствующего титула и портретного изображения. К таким хрисовулам относятся Ватопедская грамота (ок. 1230) царя Ивана Асеня I (1218–1241), Виргинская грамота Константина Асеня Тиха (1257–1277), Зографская (1342), Оряховская (известная также как «Мрачская») (1347) грамоты царя Ивана Александра (1331–1371), Витошская (между 1371 и 1385 гг.) и Рильская (1378 г.) грамоты царя Ивана Шишмана (1371–1395).

Помимо хрисовулов, среди болгарских средневековых грамот имелись и менее торжественные указы, составлявшиеся по

образцам распоряжений византийских императоров. Это – так называемые простагмы (от греч. *πρόσταγμα* – распоряжение, приказ) и орисмосы (от греч. *ὀρισμός* – условие, обязательство, договор). Прекрасной иллюстрацией типовой простагмы служит одна из «месемврийских» (т. е. несобрских) грамот, традиционно приписываемая царю Ивану Александру. Она была выдана месемврийскому митрополиту в связи с переходом под его юрисдикцию монастыря Богородицы Элеуса. А примером орисмоса является Дубровницкая грамота (1230) царя Ивана Асеня II и Брашовская грамота (между 1369 и 1380) видинского царя Ивана Срацимира (1356–1396).

По своему характеру и предназначению болгарские царские грамоты можно условно разделить на две группы. В первую из них входят дарственные грамоты, выданные отдельным монастырям с перечислением различных привилегий и, прежде всего, указанием на т. н. «иммунитет». Последний выводил обитель из-под контроля местных властей – она начинала подчиняться непосредственно самому царю. Таковыми являются Ватопедская грамота Ивана Асеня II, выданная афонскому Ватопедскому монастырю, Виргинская грамота Константина Асеня Тиха, предназначенная обители св. Георгия Скоропостижника и Победоносца близ г. Скопье (XIII в.), два хрисовула Ивана Александра: Зографский, пожалованный афонскому Зографскому монастырю, и Оряховский (Мрачский), отправленный обители св. Николая в местность Оряхов близ г. Радомира. Подобных хрисовулов удостоил Рильский и Драгалевский монастыри и болгарский царь Иван Шишман (Рильская и Витошская грамоты).

Вторую группу представляют договорные грамоты, связанные с наделением иностранных общин торговыми правами: Дубровницкая грамота, гарантировавшая свободу торговли купцам Дубровника на подконтрольной Ивану Асеню II территории, и Брашовская грамота, которая обеспечивала жителям трансильванского города Брашов свободу передвижения и торговой деятельности в Видинском царстве.

Преобладающая часть имеющихся в распоряжении ученых средневековых болгарских грамот славяноязычна. Тем не менее известны акты, изначально составленные на ином языке. В качестве примера можно привести грамоту на греческом языке родопского деспота Алексия Слава (1208–1230) или грамоты,

дошедшие до нас в латинских или греческих списках и копиях. Здесь показательным является текст хрисовула царя Калояна (1197–1207), подтверждающий церковную унию с Римом.

Гаврюшина Л.К.

Сербские книжники Феодосий и Доментиан: Мир Небесный и Мир Земной

Представление о небесной действительности как об архетипе и образце видимой реальности земной свойственны, в большей или меньшей мере, всем произведениям средневековой литературы. Что же касается славянской агиографии, то в поэтике сочинений сербского книжника, хиландарского иеромонаха Доментиана (XIII в.) образы небесной действительности играют, на наш взгляд, первостепенную роль. Так, происходящее на земле (в Сербском государстве) вводится во временную цепь событий истории спасения человечества Богом. Вступление к написанному Доментианом житию св. Симеона открывается, в частности, словами о царствовании Иисуса Христа, которое в иерархическом смысле связано с царствованием Симеона Мироточивого.

Исследование поэтической образности трудов Доментиана, в которых лики св. Симеона и св. Саввы являются отражением истинной, т. е. Божественной, реальности, показывает, что основу их художественной структуры составляет символическое содержание земных событий жизни подвижников и соответствующее уподобление святых Богу.

В сочинениях же Феодосия (конец XIII в.) духовная реальность земной жизни святителя Саввы рассматривается, в частности, в её отношении к эсхатологической перспективе современной ему действительности. Это, в свою очередь, вызывает у него необходимость защиты традиционного понимания христианских идеалов перед угрозой их обесценивания. Феодосий как проповедник не столько утверждает художественными средствами религиозные идеалы, сколько стремится посредством диалога с читателем укрепить того в вере. Без этого, по нашему убеждению, для современников книжника малопонятными

явились бы как принципы агиографической идеализации в житии, так и значение самого подвига святого. В данном смысле особенно интересен эпизод жития с убиением св. Саввой нечестивого Стреза, в котором книжник в беседе с читателем отстаивает право своего агиографического героя на «жестокое» чудо.

Лабынцев Ю.А.

Книжное наследие Франциска Скорины

Доктор Франциск Скорина – один из самых выдающихся культурных деятелей славянства, писатель, издатель, переводчик, национальная гордость белорусского народа.

Наряду с многими книгами, в том числе им самим написанными, Скорина издал в своем переводе в начале XVI в. значительную часть Библии. Она стала первой печатной Библией у восточно- и южнославянских народов.

За свою жизнь Скорина объездил немало стран, учился в старейших европейских университетах, достиг высших ученых степеней, был доктором «семи свободных искусств» и доктором медицины. Все это дало ему возможность, как никому другому в восточном славянстве, сопоставить жизненные ценности Запада и Востока Европы, решить для себя и других, прежде всего для «братьев» своих «Руси», те многочисленные философско-гуманитарные, богословские и литературные проблемы, которые и поныне не утратили свою актуальность.

В силу исторических условий Скорина должен был придерживаться особой, многовековой восточнославянской книжной традиции, которую, он, тем не менее, значительно реформировал. Невозможность отойти в своем литературном творчестве от традиционного литературного церковнославянского языка и одновременно удалиться слишком далеко от языка, близкого к народному (иначе бы его не поняли соотечественники-современники), вынуждала Скорину максимально опираться на эту традицию и часто высказывать свои собственные суждения устами признанных авторитетов древности.

Использование в его творчестве чисто традиционных, восточных, начал и сплав их с западными имели своим результатом необычайно интересный и сверх-оригинальный литературно-графический материал, который ставил в тупик не только современников Скорины, но и ученых наших дней. Рождающийся у Скорины художественный образ заставляет одновременно помнить и о литературных особенностях Востока, и о достижениях графического искусства Запада, и о той общности культур, которая была свойственна всей Европе. Вот почему невозможно отделить в его творчестве эти две главнейшие европейские культурные традиции: византийского Востока и римского, латинского Запада. Франциск Скорина сумел соединить и воплотить обе эти традиции в своем творчестве. Об этом свидетельствуют не только сами тексты скорининских книг, но и их архитектоника, композиция, графика.

Щавинская Л.Л.

Киевский «Синописис» 1647 г.: Трехвековая судьба

В 1674 г. в типографии Киево-Печерской лавры было выпущено издание, которому предстояло стать одним из самых замечательных по значению и одновременно загадочных в истории восточнославянской книжной культуры. «По благословению... Иннокентия Гизеля... архимандрита тояже... Лавры» вышел в свет «Синописис или Краткое собрание от разных Лѣтописцев, о началѣ Славяно-Российскаго Народа, и первоначальных князей богоспасаемаго града Киева, о житии Святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Киевскаго и всея России первѣйшаго Самодержца Владимира, и о Наслѣдниках Благочестивыя Державы его Российския, даже до Пресвѣтлаго и Благочестиваго Государя нашего Царя и Великаго Князя Алексия Михайловича Всея Великия, Малыя, и Бѣлыя России Самодержца». В первом печатном киевском «Синописисе» 1674 г., набранном церковнославянским шрифтом, было всего 124 страницы, на которых излагались события начиная со времен ветхозаветных до середины XVII в.

В 1678 г. там же в типографии Киево-Печерской лавры вышло в свет второе, несколько дополненное, издание

«Синописиса». Три следующих лаврских издания «Синописиса» имеют дату выхода в свет «1680 г.», но на самом деле они печатались несколько позднее, а объём их был увеличен в два раза. Первое издание «Синописиса» гражданским шрифтом вышло в Москве в 1714 г., а второе – в 1718 г. в Санкт-Петербурге. Несколько позднее «Синописис» активно стала печатать типография Петербургской Академии наук, продолжив его тиражирование вплоть до начала XIX в. Своеобразной перепечаткой киевского «Синописиса» стал «Новый Синописис», появившийся в городе Николаеве в 1798 г., а также ряд иных публикаций исторического плана, появившихся в XVIII–XIX вв. Видимо, самыми полными по составу за всю историю печати «Синописиса» следует считать его издания 1823 и 1836 гг., осуществленные с дополнениями в типографии Киево-Печерской лавры. Подготовлены они были таким знатоком славянских древностей как митрополит Евгений (Болховитинов). Заслуживает особого внимания включение текста «Синописиса» в состав собраний сочинений «святаго Димитрия митрополита Ростовскаго», которые печатались в Киеве вплоть до XX в. На титульных листах соответствующих томов этих собраний сочинений значилось, что книга выходит «с присовокуплением Синописиса, или краткаго описания о начале Славянскаго народа».

Трудно отыскать в истории мировой письменной культуры судьбу произведения, похожую на то, что происходило и происходит на протяжении четвертого столетия с киевским «Синописисом». В XVII в. – это почти ученый трактат, со скидкой на реалии того времени. Довольно долго научной книгой «Синописис» считают и в XVIII столетии, его даже многократно печатают в типографии Петербургской Академии наук. Впрочем, киевский «Синописис» продолжают переиздавать и по сей день.

Гусев Н.С.

**Записки капитана Самосеева –
русского добровольца
в болгарской армии
во время балканских войн**

В ходе Первой балканской войны 1912 г. в болгарской армии сражалось несколько десятков русских добровольцев – подданных России, многие из которых являлись этническими болгарами. Таковыми были, в частности, авторы трёх известных и опубликованных пространных описаний тогда происходившего. В Государственном архиве РФ хранятся воспоминания (полное их название – «Очерк вооруженных сил Болгарии и заметок войны на Балканах 1912 г.») ещё одного добровольца – Н.К. Самосеева. Он был уроженцем Херсонской губернии, сыном коллежского асессора, участником русско-японской войны 1905 г., капитаном артиллерийской службы. Взяв отпуск в октябре 1912 г., Самосеев с несколькими сослуживцами отправился в Болгарию и по возвращении оттуда написал свои воспоминания для установления истины, которую пресса и не пыталась отыскать. Судя по тексту, работа над ними была закончена им уже после лета 1913 г. и Второй балканской войны, в которой обвинили Болгарию. И, «как всегда бывает в таких случаях, за Болгарией и болгарами не признавалось даже того, что было сделано в первую кампанию»

Очерк Н.К. Самосеева начинается с обзора устройства болгарской армии и подробного описания её вооружения, сопоставлявшегося с техникой солдат Османской империи, причем в большинстве случаев, по мнению автора, сравнение было в пользу болгар. Подобно другим очевидцам Балканских войн, он не смог не упомянуть об ужасной организации медицинской армейской службы. Причину этого он усматривал не только в бедности страны, но и в отношении самих болгар, считавших, что «прежде всего нужно заботиться о здоровых».

Немалое внимание автор очерка уделил степени боеспособности болгарской армии. При всех достоинствах боевого управления, он отмечал и его недостатки: отсутствие должного интереса к тактической подготовке и оперативному командованию во время боя + не всегда продуманные крупномасштабные

операции. Образ болгарского солдата в очерке выглядит более объективно, нежели в тогдашней прессе, певшей воинам царя Фердинанда. одни дифирамбы. Приводя примеры смекалки, мужества и самопожертвования, Самосеев одновременно указывает на случаи разгильдяйства и на такую «характерную черту болгар», как слепое исполнение приказов начальства без попыток проникновения в их суть. В конечном счете, подытоживалось в этом разделе, болгарскую армию «следует считать грозной силой». А все недостатки, по мнению автора, окупались сознательным отношением болгарских воинов к своему долгу. Причиной подобной сознательности Самосеев полагает «высокую идею освобождения Македонии», воодушевлявшую всё болгарское общество на вооруженную борьбу.

В заключительной части очерка подчеркивалась значимость Болгарии как военной силы и упоминалась её возможная роль в «мировой войне» – признаки, позволяющие датировать текст концом 1914 – началом 1915 гг. После вступления Болгарии в 1916 г. в эту войну Самосеев неоднократно отличался и награждался, причем среди наград фигурируют такие высокие, как орден св. Георгия и именное Георгиевское оружие. Но после окончания этой войны следы Самосеева теряются – об участии его в войне Гражданской ничего неизвестно. Судя по словам его внучки, он прожил на своей малой родине вплоть до 1950 г.

Неопубликованный труд капитана Самосеева является ценным источником по истории Балканских войн и Болгарии начала XX в. Он интересен в силу ряда причин. Во-первых, это описание оставил русский очевидец, чей взгляд, как уже отмечалось отечественными историками, проникал глубже, чем «европейский». Во-вторых, в отличие от авторов большинства публикаций о Болгарии того времени, Самосеев находился на месте событий и был глубоко погружен в реалии болгарской армии. Проникновение им в суть происходящих на Балканах процессов проявляется и в том, что большая часть его сведений подтверждается другими источниками. В этой связи публикация самосеевского очерка в несколько сокращенном виде позволила бы ввести в широкий научный оборот новый источник для составления более полной картины болгарской армии и болгарского общества начала XX в.

Фролова М.М.

Изучение болгарской проблематики в Императорском Обществе истории и древностей российских

В первой половине XIX столетия в период становления российского славяноведения в России немалую лепту в его развитие внесло Общество истории и древностей российских (ОИДР) при Московском университете, (1804–1929). В него вступили многие преподаватели названного университета и такие известные знатоки русской истории, как Н.Н. Бантыш-Каменский, А.Ф. Малиновский, А.И. Мусин-Пушкин, Н.М. Карамзин. Общество старалось объединить ученых, любителей, коллекционеров Москвы, привлечь к сотрудничеству энтузиастов людей страны и установить контакты с зарубежными учеными, прежде всего, славянскими.

Основной задачей ОИДР являлось критическое исследование и издание русских летописей. Однако членам Общества поручалось также разыскивать сведения, касавшихся «до славянских народов у древнейших историков», что способствовало появлению славянских сюжетов в занятиях ОИДР.

На начальном этапе деятельность Общества не была особенно плодотворным из-за войны с Наполеоном, страшного пожара в Москве 1812 г. и отсутствия должного финансирования. Болгарская тема была представлена тогда единственной статьей П.Ф. Горенкина «О древности письма славянского» (1818).

С начала 1830-х годов деятельность Общества значительно активизировалась, благодаря покровительству императора Николая I (1825–1855) и вниманию президента Академии наук С.С. Уварова к работе общества. Возросло число его членов, президентом ОИДР был избран начальник главного управления архива Коллегии иностранных дел А.Ф. Малиновский (1830–1836), а затем попечитель Московского учебного округа граф С.Г. Строганов (1836–1848). Секретарями ОИДР являлись профессиональные ученые: И.М. Снегирев, С.П. Шевырев, М.П. Погодин и О.М. Бодянский.

ОИДР получило в 1837 г. статус императорского и ежегодное финансирование в 5000 руб., что положительно отразилось на его издательской деятельности. Вместо журнала

«Труды и летописи ОИДР» начал выходить «Русский исторический сборник» – «РИС» (вышло 7 томов в 22 книгах) и изданы две части «Русских достопамятностей».

Усилению интереса к болгарской проблематике в ОИДР способствовала победа русского оружия в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. Действительным членом общества стал Ю.И. Венелин (1802–1839), прославивший свое имя книгой «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» (М., 1829).

Вице-президент ОИДР А.Д. Чертков в 1843 г. опубликовал в РИС две монографии: о переводе Манассиевой летописи на славянский язык и войне князя Святослава против болгар и греков в 967–971 гг. В них раскрывались история и культура средневековой Болгарии. Кроме того, в 1840–1841 гг. Чертков четыре раза докладывал о своих болгаристических исследованиях на заседаниях Общества.

После избрания секретарем ОИДР профессора Московского университета, слависта О.М. Бодянского вместо РИСа начал издаваться журнал «Чтения в ОИДР» (ЧОИДР), который стал наполняться славянской проблематикой. В нём были опубликованы две статьи рижского епископа Филарета (Д.Г. Гумилевского) с болгарскими сюжетами: о св. великомученике Дмитрие Солунском и солунских славянах и о славянских просветителях Кирилле и Мефодии. Сюда же следует отнести и другие публикации. Это статья директора московского архива Министерства иностранных дел М.А. Оболенского о переводах на сербский и болгарский языки византийской хроники Георгия Амартола и перевод доклада П. Шафарика «Расцвет славянской письменности в Болгарии», выполненный О.М. Бодянским.

Библиотекарь ОИДР, ученый В.М. Ундольский (1815–1864) одним из первых в России обратился к изучению творческого наследия кирилломефодиевского ученика Климента Охридского, выступая с докладами о нём на заседании общества.

После избрания председателем общества А.Д. Черткова (1848) в течение 10 лет внимание его действительных членов было направлено главным образом на южных, а не западных, славян. В новом печатном органе общества – «Временнике ОИДР» (ВОИДР), были опубликованы две рукописи из Рильского монастыря, обнаруженные русским профессором В.И. Григоровичем во время

его путешествия по Балканам; напечатано исследование историка С.Н. Палаузова о Синодике болгарского царя Борилла по рукописи XIV в. и изданы «Болгарские песни из сборника Ю.И. Венелина, Н.Д. Катранова и других болгар» – труд, который представил кандидат Московского университета П.А. Бессонов.

Крымская война (1853–1856) стимулировала появление тематических докладов и статей о победах в русско-турецких войнах XVIII в. Кроме того, члены ОИДР, как и прежде, писали о расселения древних славян на Балканах и в Европе. В этом плане много потрудился А.Д. Чертков, опубликовавший в пяти книгах ВОИДР свои исследования о прародине славян и их этногенезе.

В 1857 г. председателем ОИДР вновь стал граф Строганов, а секретарем – О.М. Бодянский, возобновивший журнал «Чтения».

В первой половине XIX в. болгарские сюжеты не были доминирующими в славянской проблематике, разрабатывавшейся членами ОИДР, но их появление свидетельствовало об увеличении познавательного интереса к болгарскому народу.

Смольянинова М.Г.

О многообразии творчества Васила Друмева

Васил Друмев (1841–1901) вошёл в историю болгарской литературы и культуры второй половины XIX в., как личность поистине ренессансной многогранности. Родоначальник национальной беллетристики, талантливый драматург, литературный и театральный критик, просветитель, публицист, педагог, учёный, он в то же время был общественным и политическим деятелем, одним из последовательных поборников культурного сближения славянских народов. Друмев родился в г. Шумен и, окончив там училище в 1858 г., уехал в Россию, где закончил Одесскую духовную семинарию (1858–1864) и Киевскую духовную Академию (1865–1868).

В России он написал повесть «Несчастное семейство» (1860), которая стала важной вехой в национальном литературном процессе: это было первое оригинальное произведение болгарской беллетристики, заложившее основы художественной прозы и во многом определившее пути её дальнейшего развития. Она вышла в

журнале «Болгарские книжицы», вызывая в читателях сострадание к порабощённому турками народу. Вторая повесть Друмева – «Ученик и благодетели» – была написана им также в России и опубликована в газете «Советник» (1864–1865). В центре её повествования – духовная жизнь Болгарии 60-х годов XIX в, и формирование национальной интеллигенции в условиях бесправия и невежества болгар. Автор отразил в ней идеалы и деятельность национальных просветителей, отношение различных слоёв общества к просвещению, страстное желание молодёжи получить образование и трудности, с которыми приходится ей сталкиваться на этом пути.

Болгарский классик И. Вазов писал об успехе этой повести среди современников и о произведенном ею на него впечатлении. По вазовским словам, её герои занимали его мысли днём и ночью. Она пленила его юношескую душу широтой охвата действительности, изображением типичных характеров болгар того времени, относящихся к различным социальным слоям общества того времени и злободневностью поднимаемых в ней проблем. Вазов даже назвал эту повесть романом, что имело под собой основание. По ряду признаков она действительно приближалась к романному жанру и представляла собой первую попытку создания романа в болгарской литературе. Эту интенцию позднее воплотил в жизнь сам Вазов своим романом «Под игом».

Велика заслуга Друмева и в становлении национальной драматургии. В своей пьесе «Иванко, убийца Асена I» (1872) он обратился к злободневной в эпоху Возрождения теме отстаивания независимости родины в борьбе с иноземными поработителями. События в пьесе относились к далекому Средневековью, но их суть была созвучна наболевшим проблемам современности. Это чувствовалось в неприятии писателем произвола и жестокости, в понимании им необходимости сплочения национальных сил в борьбе за свободу Болгарии и непримиримости к действиям иноземных угнетателей.

В 1869 г. писатель переместился в румынский г. Браила, где вместе с со своими единомышленниками (Марином Дриновым и Василом Стояновым) основал «Болгарское литературное общество». Оно являлось зародышем Болгарской Академии наук.

Именно благодаря ему начало издаваться «Периодическое списание», т. е. «Периодический журнал», игравший важную роль в формировании национальной науки и культуры. Друмев напечатал в нём свои научные труды «Жизнеописание» (1870–1871), «О воспитании» (1871) и др., свидетельствующие о том, что он был не только талантливым беллетристом и драматургом, но и незаурядным учёным, впервые раскрывшим истинное значение творчества представителей раннего болгарского Возрождения: Паисия Хилендарского, Софрония Врачанского, Неофита Бозвели. Он, например, опубликовал в нём произведение Бозвели «Мать Болгария», и автобиографию Софрония Врачанского. Друмев считал, знания и научный прогресс создают предпосылки для достижения Болгарией политической и духовной независимости. Более того, он был убежден, что без знаний и науки болгары долго не просуществуют и исчезнут, как нация, или станут рабами более образованных народов. Этот тревожный лейтмотив звучал в его статьях «Значение Болгарского литературного Общества», «Невежество» и других.

Проработав два года брайльским учителем, Друмев в 1873 г. вступил на церковную стезю и был рукоположен в сан епископа Браицкого и Русенского под именем Климент. В архиве г. Силистры были открыты документы о его просветительской деятельности в этом качестве и его вкладе в развитие народного образования. Во время Освободительной русско–турецкой войны 1877–1878 гг. епископ Климент оказывал русской армии содействие, передавая данные о состоянии Русенской крепости и численности турецкого гарнизона. Эти сведения доставляли его посыльные, переодетые для маскировки в женскую одежду. При вступлении в Русе русских войск он встретил их во главе депутации именитых болгар и совершил в соборе св. Троицы благодарственный молебен в присутствии русского командования, завершив церемонию благодарственной речью на русском языке, адресованную освободителям болгар.

После освобождения родины от турецкого ига Друмев занялся педагогической деятельностью, сделавшись ректором и преподавателем Петропавловской семинарии (1878–1884) в новой столице Болгарии г. Тырново. В тырновском архиве сравнительно недавно был открыт друмевский дневник, расширяющий

представление о просветительских взглядах и педагогической деятельности Друмева в бытность его ректором указанного образовательного учреждения.

Следует упомянуть и о всё ещё мало исследованных проповедях В. Друмева. Они носят публицистический характер и обладают ярко выраженной русофильской направленностью. В них Друмев отстаивал в необходимость болгаро–русского сотрудничества, что в период диктатуры русофобски настроенного премьера Стефана Стамболова, было небезопасно. За одну из подобных проповедей, произнесённую 14 февраля 1893 г., Друмев (он стал уже Тырновским митрополитом) был арестован, обвинён в русском шпионаже и подстрекательстве народа к бунту и заточен в Гложенском монастыре. На следующий год после падения правительства Стамболова митрополита освободили, и он возвратился в Велико-Тырново, где был триумфально встречен народом. Принимал Друмев активное участие и в политической жизни Болгарии: являлся депутатом Учредительного и Всеболгарского народного собрания, назначался премьер–министром и министром просвещения. Но в историю он вошел главным образом как писатель, драматург и ученый, много сделавший для развития национальной литературы, театра и народного просвещения.

Искендеров П.А.

Донесения русских консулов как важный источник по истории южных славян

Дипломатические донесения русских консулов, находившихся на службе в системе российского Министерства иностранных дел в городах Европейской Турции в конце XIX – начале XX вв. и поныне недостаточно вовлечены в научный оборот, несмотря на свою несомненную историческую ценность.

Важность данного вида источников определяется высоким уровнем профессиональной подготовки русских дипломатов, их активной деятельностью на вверенных им местах службы, тесными контактами с местным населением, знанием этно-культурной и

социально-экономической проблематики той или иной области, страны и Балканского региона в целом.

Деятельность русских консулов на Балканах охватывала практически все значимые города и населенные пункты Османской империи, как правило, находившиеся на пересечении торговых путей, миграционных потоков, а также расположенные в областях со смешанным населением с точки зрения его этноса и конфессиональной принадлежности.

Существенной чертой донесений русских консулов как источника по истории Балкан выступает возможность применения к ним таких ключевых методов исторического познания, как проблемно-хронологический метод, системный и стадийный подходы, а также принципы междисциплинарных исследований. Последнее обстоятельство напрямую связано со сложной этно-конфессиональной картиной Балканского полуострова как региона с ярко выраженной «этнической чересполосицей». Это, в свою очередь, предоставляло русским дипломатам, работавшим «на местах», богатый фактический сравнительный материал, который они активно включали в свои донесения, письма, мемуары и другие нарративные материалы.

Еще одной важной отличительной особенностью сочинений русских дипломатов, служивших на Балканах, является высокий научный и профессиональный уровень их авторов, прекрасное знание ими местных языков и наречий, высокая коммуникационная активность.

В качестве одного из элементов пополнения экспозиции «виртуального музея» по Балканам выступает возможность использования, помимо письменных источников, также других материалов – в том числе справочного, картографического, изобразительного и фотографического характера. Донесения русских дипломатов, работавших на Балканах, содержат большое количество подобных материалов, которые до настоящего времени ещё не получили соответствующего освещения и использования в музейных экспозициях.

Важность создания балканской части экспозиции «Виртуального музея» с использованием письменных источников, авторами которых выступали русские дипломаты, определяется также их актуальностью. Указанные материалы представляют собой большой интерес в плане понимания широкой общественностью

Европы и всего мира истории Балканского региона, а также причин и характера местных процессов и кризисов, – многие из которых проявляются и в современных условиях.

Мельчакова К.В.

К вопросу о первых периодических изданиях Боснии и Герцеговины

В докладе пойдет речь о первых периодических изданиях, выходявших в Боснийском вилайете. В 1860-е гг. в Боснии появилась первая типография. Османские власти пригласили из австрийского города Земун книгопечатника Игнатия Сопрона (1821–1897), доставившего с собой всё необходимое оборудование, наборы литер с кириллицей, латиницей и греческим алфавитом. Литеры с арабицей из Константинополя доставил наборщик Кадри-эфенди Цариградлия. Турецкие работники типографии получали жалование от правительства, а сербским платил лично Сопрон.

До австро-венгерской оккупации в вилайете выходило четыре газеты: «Боснийский вестник» («Босански вјестник»), «Босния» («Босна»), «Сараевский цветник» («Сарајевски цвјетник») и «Неретва».

По задумке генерал-губернатора Боснийского вилайета Топал Шериф Осман-паши материалы этих изданий должны были способствовать продвижению реформ в духе идеологии османизма.

«Боснийский вестник» – стал самой первой газетой вилайета, печатался он на сербской кириллице. Газета выходила всего один год (1866–1867) и издавалась на личные средства Сопрона. Остальные газеты являлись официальными изданиями вилайета и печатались одновременно на вуковой кириллице и османском языке.

Данные издания подвергались критике со стороны сербов Княжества и Австро-Венгрии. Наибольшее раздражение вызывало то, что в газетах употреблялся термин «боснийский язык». «Сараевский цветник» активно полемизировал с материалами прессы Сербии, Черногории и Австро-Венгрии и был запрещен на территории княжества Сербия.

К сожалению, сохранилось не так много выпусков этих периодических изданий. Многие из номеров утеряны безвозвратно. В докладе будет рассмотрено содержание газет, источники материалов для статей, реакция российских консулов на публикуемые материалы и образ России, созданный боснийскими журналистами, а также вопрос о судьбе сотрудников редакций после австро-венгерской оккупации.

Созина Ю.А.

Восприятие лирики Ф.И. Тютчева в Словении

Ф.И. Тютчев (1803–1873), великий русский лирик, поэт-мыслитель, дипломат, был особо любим в Словении на рубеже XIX–XX вв. в период подъема идеи общности славянских народов и их культур. Его стихотворения вошли в «Русскую антологию в словенских переводах» / «*Ruska antologija v slovenskih prevodih*» (Gorica, 1901) благодаря Антону Ашкерцу, передовому словенскому поэту-реалисту, культивирующему идеи социальной справедливости.

Вместе с тем поэзия Тютчева пользовалась уважением и в консервативном католическом лагере. К столетнему юбилею поэта Иван Лах опубликовал большую статью о Тютчеве в журнале «Дом и мир» / «*Dom in svet*» (Ljubljana, 1904).

В докладе будут представлены результаты наших исследований, проведенных в этом году в Словении.

Магия поэзии Тютчева, пробуждающая самые светлые чувства у людей с разными взглядами на жизнь, искусство и с противоположными политическими убеждениями, очень экологична. Возможно, в этом и кроется секрет её успеха.

СОДЕРЖАНИЕ

Калиганов И.И.

Мысли о грядущем виртуальном Музее Славянских Культур	3
---	---

Калиганов И.И.

Заметки об оптимальном «музейном» формате при написании статей для виртуального Музея Славянских Культур	6
--	---

Турилов А.А

К изучению региональных особенностей «Второго южнославянского влияния»	8
--	---

Добычина А.С.

Грамоты болгарских царей XIII–XIV веков	10
---	----

Гаврюшина Л.К.

Сербские книжники Феодосий и Доментиан: Мир Небесный и Мир Земной	12
---	----

Лабынцев Ю.А.

Книжное наследие Франциска Скорины	13
---	----

Щавинская Л.Л.

Киевский «Синописис» 1647 г.: Трехвековая судьба	14
---	----

Гусев Н.С.

Записки капитана Самосеева –
русского добровольца в болгарской армии
во время балканских войн 16

Фролова М.М.

Изучение болгарской проблематики
в Императорском Обществе истории
и древностей российских 18

Смольянинова М.Г.

О многообразии творчества
Васила Друмева 20

Искендеров П.А.

Донесения русских консулов
как важный источник
по истории южных славян 23

Мельчакова К.В.

К вопросу
о первых периодических изданиях
Боснии и
Герцеговины 25

Созина Ю.А.

Восприятие лирики Ф.И. Тютчева
в Словении 26

